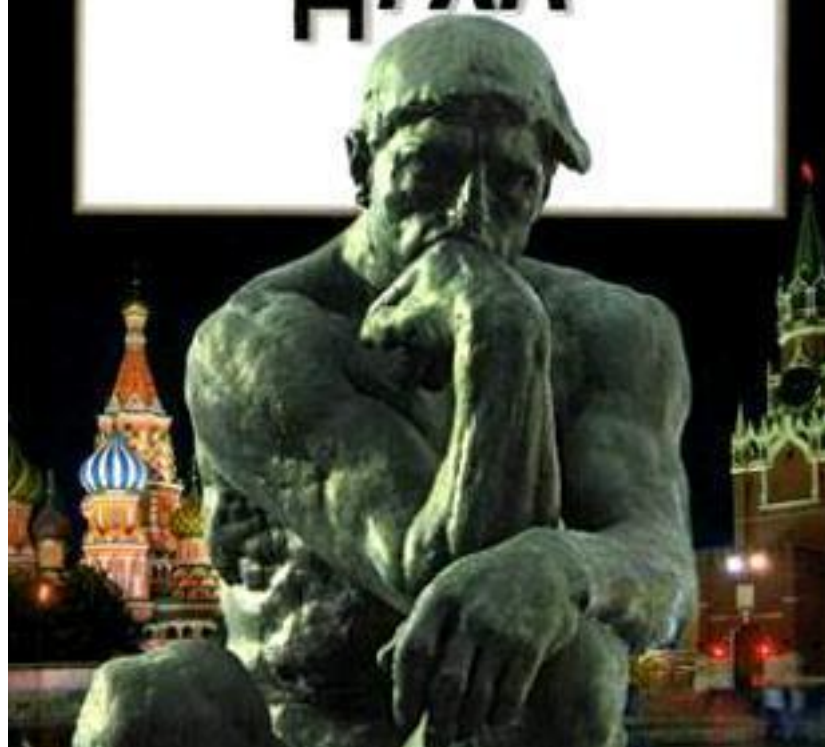

Олег МАТВЕЙЧЕВ

ПОЛИТИЧЕСКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

СУВЕРЕНИТЕТ ДУХА

Политический бестселлер

Олег Матвейчев

Суверенитет духа

«Автор»

2009

Матвейчев О. А.

Суверенитет духа / О. А. Матвейчев — «Автор»,
2009 — (Политический бестселлер)

В течение долгих веков европейская культура, европейские ценности и европейский образ жизни служили всему миру универсальным мерилom и эталоном, однако сегодня Европа себя исчерпала, и место «властительницы дум» вакантно. По мнению Олега Матвейчева, одного из ведущих российских политологов, его может и должна занять Россия. Но для этого недостаточно демонстрации экономической и военной мощи, а агрессивная риторика страны-эгоиста и вовсе сведет все усилия на «нет». России нужно «влюбить» в себя весь мир, предложив ему нечто невиданное и в высшей степени привлекательное. Для этого она должна обрести суверенитет духа – научиться мыслить своими собственными категориями, создать новую философию, сделать ставку на развитие образования, науки, искусства, стать главным центром хай-тека и хай-хьюма. Суверенитет государства, доказывает автор, держится не на экономике, политике или военной силе, суверенитет держится на духовном авторитете, а значит, «философы и поэты» важнее полководцев и политиков. Культурная экспансия важнее военной или экономической. О том, что ждет Россию в XXI веке, как осуществить столь дерзкий и амбициозный план и какие опасности нам угрожают на этом пути, – читайте в книге Олега Матвейчева. Книга «Суверенитет духа» представляет собой сборник статей, посвященных поиску и разработке российской государственной идеологии и методам ее продвижения. Данная книга есть расширенный и исправленный вариант книги «Суверенитет духа», вышедшей в 2007 году. Практически каждая статья подверглась правкам. Внесены существенные добавления. Статья «Электронные полемики» увеличена в несколько раз. Появились отдельные статьи: «Государство и коррупция», «Что нам делать с Дальним Востоком», «За перевоспитание олигархов», «Зеленая революция как выход из кризиса». Из данного издания исключены статьи, имевшиеся в прежнем издании: «Почему американцы побеждают?» (она теперь есть в книге «Уши машут ослом. Сумма политтехнологий»), «Проблема современности и циклы

истории», «Современность между «пост-" и " прото-». Их можно найти только в прежнем варианте книги.

© Матвейчев О. А., 2009

© Автор, 2009

Содержание

Предисловие	6
Прощай, немытая... Европа	8
Проект и урок Петра Великого	16
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Олег Анатольевич Матвейчев

Суверенитет духа

Предисловие

Предисловие должно быть кратким, иначе его не прочтут. Поэтому скажу только, что книга не является монолитной монографией, последовательно разворачивающей какую-либо концепцию. Это сборник статей, написанных в 2004 и 2005 годах (хотя отдельные фрагменты некоторых статей писались с 1993 года в качестве заметок). В данном издании внесены редакторские правки и дополнения уже по свежим следам. В книге не даются ответы, а скорее ставятся вопросы, предлагаются гипотезы и рискованные размышления. Тем не менее, все материалы пронизаны рядом убеждений, которые можно представить в нескольких тезисах:

Россия, безусловно, неординарная страна. Мы часто не задумываемся об этом, но половина населения Земли вообще не знает о существовании, например, Италии, Франции, Германии. Про новые «государства» вроде Грузии и стран Балтии скромно умолчим. А вот о России слышали абсолютно все. Россия известна минимум как самая большая по территории и природным запасам страна. И это неслучайно. Каждая пядь этой земли была военным, культурным, цивилизационным, историческим подвигом наших предков. Пространства и богатства легко не даются. Абы кто такую страну создать бы не смог.

Россия имеет неоспоримые заслуги перед человечеством: спасение миллионов людей от фашизма, выход в космос, мирный атом и прочее. Она совершила ряд выдающихся военных побед, причем зачастую над силами всей Европы, то есть над превосходящим противником. Россия часто задавала повестку дня в мире. Даже проигрывая, она заставляла говорить о себе, заставляла реагировать, Россия определяла тренд, лидировала.

Все это невозможно без неких духовных основ. Военная победа, например, может быть основана только на превосходстве в духе. Равно как и другие победы, в том числе «материальные» и «экономические».

Тем не менее, эти духовные основы ДО СИХ ПОР не эксплицированы и не ясны ни нам самим, ни человечеству. Всякий раз мы прикрывались взятыми напрокат у Европы и Запада миссиями: то коммунизмом, то консерватизмом, то либерализмом с просвещением. И всякий раз выяснялось, что эти миссии были ширмой, не укоренились глубоко и вообще отбрасывались, когда начиналась серьезная игра. Все попытки эксплицировать самобытные основания были неудачными как, например, в «русской философии» или «советском марксизме» при Сталине и после Сталина. Всякий раз мы после военных побед проигрывали «холодные» войны.

Запад на протяжении всей истории демонстрировал как раз гуманитарное лидерство, благодаря чему и стал тем, чем он является.

Сейчас в истории, пожалуй, единственный момент, когда Запад утратил и лидерство, и миссию, и не в состоянии предложить ничего ни себе, ни другим в духовном плане. Более того, прежние подходы и методы Запада перестают работать.

Но этот пробел можем заполнить мы, на основании решения задачи собственной идентификации, идентификации самобытной, не компаративистской, феноменологической и в то же время общечеловеческой, имеющей значение не только для нас, но для всех. Мы должны перехватить эстафету духовного лидерства! Мы имеем на это право! И мы обязаны это сделать, хотя бы для собственного выживания.

Решив проблему собственного выживания, мы одновременно решаем проблему всего человечества¹.

¹ Данная книга – это 2-е издание, исправленное и дополненное тремя главами и новыми эпизодами интернет-полемики (глава «Электронные полемики»).

Прощай, немытая... Европа

Прощай, немытая Россия! Существует обширная литературоведческая дискуссия о принадлежности этих строк перу Лермонтова. Но кто бы ни оказался истинным автором, важно, что после него эту формулу повторили и повторяют все русофобы, от прибалтов, поляков и так называемых «украинцев» до самых далеких заатлантических друзей, которые и Россию-то видели только в голливудских боевиках. Ярлык грязи, немытости по отношению к русским приклеен достаточно прочно. Он, конечно же, является синонимом нецивилизованности и культурной отсталости.

Казалось бы, в наше «толерантное» и «политкорректное» время те или иные гигиенические традиции различных народов должны списываться на так называемую «культурную специфику». Ну и что с того, что «немытая»? Что это за расизм и тоталитаризм такой, всех под одну гребенку чесать? Негры вон вообще черные, а арабы и индусы – смуглые. У каждого свои нравы, свой, как принято говорить, менталитет! Навязывать свои стандарты неpolitкорректно и нецивилизовано! Надо говорить не «немытые», а «народы с альтернативной гигиеной», например!

Но прежде чем перейти непосредственно к русским и понять, являются ли они народом с «альтернативной гигиеной», остановимся коротко на проблеме связи между цивилизованностью и чистотой. Равенство между чистотой и культурой, равно как и вырастающий из этого равенства расизм (превосходство именно арийской, белой, то есть чистой расы), – весьма существенное и глубокое убеждение, поэтому и спекуляция на тему немытости имеет большой эффект. Немытость вызывает физиологическую, психологическую иррациональную брезгливость, которая сама по себе – мощное оружие в информационной войне.

М. Эпштейн написал любопытное эссе «Самоочищение. Гипотеза о происхождении культуры», наблюдая за мухой. Муха, которая на всех плакатах, во всех больницах и учебниках является переносчиком заразы, оказывается, большую часть времени занята ни чем иным как чисткой себя. Она скребет лапкой о лапку, «моет голову». Этим же занимаются и другие насекомые и, тем более, высшие животные. По замечанию зоологов, бабуины и шимпанзе посвящают взаимной чистке одну пятую часть своего времени. Первое, что делает самка после родов – вылизывает детенышей.

Обязательной чистке животное подвергает себя после еды и совокупления. Это позволяет выдвинуть гипотезу, что самоочищение направлено на отделение организма от среды и повышение его упорядоченности по сравнению со средой. Именно поэтому самоочищение происходит после контакта со средой, с чем-то внешним. Самоочищение символизирует возвращение к самому себе, концентрацию на себе, выделение себя из окружающего мира.

Именно по степени развитости способности к самоочищению выстраиваются градации в животном мире, а также в человеческой культуре. Переход от животного к человеку связан, по мнению известного антрополога Данбара, с новым применением языка. Если у животного язык служит для вылизывания, то у человека – для разговора. С помощью языка члены группы сплетничают, обсуждают друг друга: кто плохой, кто с кем дружит, кто кому нравится. Язык – это способ перемывать косточки ближним, дешевая и сверхэффективная форма взаимоочищения.

Можно выстраивать целые иерархии все более чистых форм культуры. Так, например, гигиена – это способ человека отделять себя от природы ради самой природы, то есть ради здоровья своего тела. Более высокая форма – чувство собственности, на котором держится экономика, – одна из примитивных форм отделения своих вещей от чужих. Выше экономики – политика, которая держится на отделении своей группы, своего общества от чужого. Далее идет эстетика, которая строится на принципе красоты, но быть красивым значит быть вполне

собой, отделить от себя все не свое. Можно вспомнить слова Родена о том, что он создает статуи из мрамора, просто отсекая все лишнее. Этика и религия – следующая ступень, в основе их лежит табу, запрет на прикосновение и на все телесное и природное. Священное – это максимально чистое и духовное. Недаром все религии содержат обряды омовения. Ну, а принцип философии вообще только в том и состоит, что любой идеальный феномен должен постигаться из самого себя: то есть и здесь не должно быть ничего внешнего.

Можно строить иные генеалогии культуры, и данная концепция с ними не полемизирует, но исходя из других оснований: например, Фрейд говорит о несовместимости нечистоплотности с культурой. Теогонические концепции происхождения культуры также отводили существенную роль чистоте и белизне в генезисе культуры. Если выше идет эскалация самоочищения, то есть от все более грязного мы возвышаемся к все более чистому, то там наоборот: некое изначально более чистое, падая, деградируя и загрязняясь, создает весь видимый мир. В любом случае создается некая напряженность между полюсами: на одном находится максимально чистое и упорядоченное, на другом – наиболее смешанное и грязное.

Это отступление сделано специально, чтобы продемонстрировать: проблема чистоты и немытости – не какой-то частный вопрос о культуре и цивилизованности того или иного народа. Этот вопрос завязан на всю западную антропологию, которой не одно тысячелетие! И просто так, с помощью глупых политкорректных формулировок, проблему расизма, например, не решить. Придется пересматривать всю западную гуманитарную науку, что уже и делают постмодернисты. Но сейчас не об этом...

Действительно ли Россия выглядит такой уж немытой в сравнении с более чистыми и светлыми соседями и особенно европейцами?

Первое упоминание о славянах, которое дают западные историки, отмечает как важную особенность именно славянских племен то, что они «л्यют воду»: то есть моются в проточной воде, тогда как остальные народы Европы мылись в кадушках, тазах, ваннах. Поразительно, но славянина по происхождению даже сейчас, спустя полторы тысячи лет, можно узнать по этой привычке. Недавно пришлось наблюдать за семьей русской эмигрантки, вышедшей за канадца. Их сын, который даже не говорит по-русски, моет руки под открытым краном как мама, тогда как папа затыкает раковину пробкой и плещется в собственной же грязной пене.

Мытье под струей русским кажется настолько естественным, что мы всерьез не подозреваем, что были чуть ли не единственным (во всяком случае, одним из немногих) народом в мире, который поступал именно так. Советские люди в 1960-х годах, когда на экранах появились первые буржуазные фильмы, были в шоке, увидев, как красивая французская актриса вставала из ванны и надевала халат, не смыв с себя пену. Фу!

Но поистине животный ужас русские массово испытали, когда стали выезжать за границу в 1990-х, ходить в гости и наблюдать, как хозяева после обеда затыкают раковину пробкой, кладут в нее грязную посуду, наливают жидкое мыло, а потом из этой раковины, кишашей помоями и нечистотами, просто вытаскивают тарелки и, не ополоснув под струей воды (!!!), ставят на сушилку! У некоторых возникал рвотный рефлекс, ведь сразу представлялось, что все ранее съеденное лежало на такой же грязной (!!!) тарелке. Когда об этом рассказывали знакомым в России, люди просто отказывались верить. Считали, что это какой-то особый случай нечистоплотности отдельной европейской семьи.

Обычай «лить воду» отличал раньше в Европе именно славян, был закреплен именно за ними в качестве отличительного признака, который явно имел религиозный древний смысл. Кстати, самоидентификация славян также напоминает о связи с самоочищением. Выше было сказано, что язык, слово есть высшая форма человеческого самоочищения. Самоназвание «славяне» происходит от «слава» и «слово. То есть это означает народ, обладающий словом, языком – тот, кто умеет говорить. Тогда как отличные от славян люди есть «немцы» – немые, не понимающие.

Есть обоснованное предположение, что славян как единую группу своими нашествиями разбудили к истории именно готы. С тех пор название «немцев» закреплено преимущественно за германцами, хотя раньше, наверное, имело более широкий смысл. Славяне исключали, выделяли себя как тех, кто обладает словом. Кстати, русское слово «чистый» происходит от «цедтый», от глагола «цедить», чистый – процеженный, отфильтрованный².

Ну, а теперь давайте посмотрим на Европу тех веков. С падением Римской империи всякое понятие о чистоте и чистоплотности исчезло. Если в Риме для людей в достатке еще были термы (бани), то Европа этот обычай не унаследовала.

ВНИМАНИЕ! С V по XII век, то есть 700 лет, Европа не мылась вообще! Этот факт отмечают многие историки. Мылись два раза в жизни – после рождения и перед смертью. Монархи мылись перед праздниками в большой деревянной бочке, в собственной грязи и пене. Чтобы не греть воду десять раз, после монарха в бочку по очереди залезала и вся придворная свита! Русская княжна Анна, ставшая французской королевой, была не только единственным грамотным человеком при дворе, но единственной, кто имел привычку мыться и содержать себя в чистоте.

Некий Дионисий Фабриций, настоятель кирхи в Феллине, в изданном им сборнике об истории Ливонии поместил рассказ, связанный с монахами монастыря Фалькенау под Дерптом (ныне Тарту), сюжет которого восходит к XIII веку. Монахи недавно основанного доминиканского монастыря добивались от Рима денежных субсидий, а просьбу подкрепляли описанием своего аскетического времяпрепровождения: каждый день, собравшись в специально выстроенном помещении, они разжигают печь так сильно, как только можно терпеть жар, после чего раздеваются, хлещут себя прутьями, а затем обливаются ледяной водой. Так они борются с искушающими их плотскими страстями. Из Рима послан был итальянец, чтобы проверить истинность описанного. Во время подобной банной процедуры он едва не отдал Богу душу и поскорее убрался в Рим, засвидетельствовав там истинность добровольного мученичества монахов, которые получили просимую дотацию.

Если бы не крестовые походы, Европа не мылась бы еще дольше. Крестоносцы поразили и арабов и византийцев тем, что от них разило «как от бомжей», как бы сказали сейчас. Запад предстал для Востока синонимом дикости, грязи и варварства. Да он и был этим варварством.

Вернувшиеся в Европу пилигримы попытались внедрить подсмотренный обычай мыться в бане, но не тут-то было! С XIII века бани официально попали под запрет Церкви как источник разврата и заразы (!!!). Так что галантные рыцари и трубадуры той эпохи источали вонь на несколько метров вокруг себя. Не лучше были и дамы. До сих пор можно увидеть в музеях изготовленные из дорогого дерева и слоновой кости чесалки для спины и блохоловки...

XIV век был, наверное, одним из самых страшных в истории Европы. Ни одна гражданская, межрелигиозная или мировая война не принесла столько бедствий, сколько эпидемия чумы. Италия, Англия потеряли половину (!!!) населения, Германия, Франция, Испания – более трети (!!!). Сколько потерял Восток достоверно не известно, но известно, что чума пришла из Индии и Китая через Турцию и Балканы... Она обошла только Россию и остановилась на ее границах, как раз там, где были распространены... бани. Вот такая биологическая война тех лет.

То, что русские и славянство вообще до сих пор являются одной из самых многочисленных в мире этнических групп, несмотря на то, что больше всех в истории воевали и подверга-

² Указание на схожесть слов slave (раб) и «славянин», которым часто злоупотребляют ненавистники славян, видящие в этом «рабскую природу, отразившуюся даже в самоназвании», имеет объяснение. Воинственные германцы часто брали славян в плен и обращали их в рабство (поскольку славяне – самые близкие соседи). Постепенно слово из имени собственного превратилось для германцев в имя нарицательное, так же как мы сейчас называем ксероксами все копировальные аппараты, а памперсами – все виды подгузников. Видеть некую рабскую природу одного народа на основании того, что у другого народа название ассоциируется с рабством так же нелепо, как видеть природу немцев в немоте и непонимании только на основании того, что у славян используется именно такое для них обозначение.

лись геноциду, это не из-за какой-то особой славянской плодовитости, а благодаря чистоплотности и здоровью. Нас всегда обходили стороной или мало затрагивали все эпидемии чумы, холеры, оспы...

Еще Геродот в V веке до н. э. говорит о жителях степей северо-востока, что они льют воду на камни и парятся в хижинах. По разным преданиям в I веке баней славяне встретили Андрея Первозванного. Но это легенды. А вот что точно известно, так это повеление князя Владимира строить бани как «заведения для немогущих» (больных). Ведь баня – это не только чистота, но и здоровье, гипоксическая терапия, массаж, прогрев и проч. Тогда, кстати, Владимир привез новшество из Новгорода. И сами бани назывались «новгородскими». Возможно, русские подсмотрели этот обычай у финно-угров, но главное, что переняли, а не откинули как дикий.

После ополячивания Галиции и Волыни бани там исчезли, так же как русский язык превратился в «мову», а народные сказки стали повествовать не о подвигах Ильи Муромца и не о стольном Киев-граде (как можно до сих пор еще слышать в архангельских и вологодских деревнях, за тысячи километров от Киева), а о ксендзах и хитрых крестьянах (типично польские сказки). После великого переселения Руси на северо-восток в XI–XII веках вместе с русской культурой, русским языком, сказками, песнями, столицей, правящей династией и названием народа из Червонной и Малой Руси ушли и бани.

Россия и баня неразделимы. Одним из обвинений, предъявленных Лжедмитрию I, было то, что он не мылся в бане, хотя ему готовили ее каждый день. Ополячился, набрался европейской культуры... В изданной в 1644 году в Европе книге «Законы французской вежливости» советовали каждый день мыть руки, а лицо «почти столь же часто». А еще в культурной Европе в это время специально ставили блюдца на стол, чтобы желающий мог культурно давить пойманных на себе вшей. А вот в «варварской» России блюдца не ставили, но не по скудоумию, а просто потому, что надобности не было – не было вшей. И. Солоневич также сообщает, что в XVII веке в Версальском дворце галантные дамы и кавалеры отправляли естественные надобности прямо в коридорах. Собственно новый дворец короли строили всякий раз, чтобы покинуть старый, который вместе с окрестностями представлял собой сортир для многочисленной дворни. Чтобы такое происходило в палатах Московского царя, трудно даже помыслить.

Длиннополые плащи и широкие шляпы мушкетеров тоже не просто дань моде, а необходимость. Дело в том, что жители городов, не стеснясь, выливали помои прямо из окон на голову прохожих. Было это настолько часто, что даже повлияло на моду, причем на столетие. А еще столетия понадобились европейским городам, чтобы наконец-то приучить горожан не выливать нечистоты на улицах и ввести коммунальные службы. В разных городах они впервые появились только в XVIII–XIX веках! До этого города с цивилизованными горожанами распространяли вонь на несколько верст вокруг. Путники сначала чувляли запах города, а уже по мере приближения начинали видеть его строения.

Впрочем, не было бы счастья, да несчастье помогло: благодаря европейской нечистоплотности и «вонючести» появилась потребность в парфюмерии, которая и стала настоящей отраслью промышленности.

Может быть, монархист и славянофил Солоневич напраслину возводит? Но тогда послушаем современного писателя П. Зюскинда, славного тем, что всегда до мельчайших подробностей воспроизводит детали быта описываемой эпохи. Вот описание главного города Европы, Парижа, в самый расцвет XVIII века, прозванного веком галантным: «Улицы провоняли дерьмом, задние дворы воняли мочой, лестничные клетки воняли гниющим деревом и крысиным пометом, кухни – порченым углем и бараньим жиром; непроветриваемые комнаты воняли затхлой пылью, спальни – жирными простынями, сырыми пружинными матрасами и едким сладковатым запахом ночных горшков. Из каминов воняло серой, из кожевенных мастерских воняло едкой щелочью, из боен воняла свернувшаяся кровь. Люди воняли потом и нестиранной одеждой, изо рта воняло гнилыми зубами, из их животов – луковым супом, а от тел, если

они уже не были достаточно молоды, старым сыром и кислым молоком, и онкологическими болезнями. Воняли реки, воняли площади, воняли церкви, воняло под мостами и во дворцах. Крестьянин вонял как и священник, ученик ремесленника – как жена мастера, воняло все дворянство, и даже король вонял, как дикое животное, королева, как старая коза, и летом, и зимой... И в самом Париже опять-таки было одно место, в котором вонь господствовала с особой inferнальностью, а именно Кладбище Невинных. На протяжении 800 лет сюда привозили десятки трупов и сбрасывали в длинные ямы... и позднее накануне Французской революции, после того, как некоторые ямы опасно провалились и вонь переполненного кладбища вынуждала жителей не просто к протестам, а к восстаниям, оно, наконец, было закрыто и заброшено... а на его месте был сооружен рынок съестных товаров» (!!!).

Иностранцы, приезжающие в Россию, наоборот, подчеркивали чистоту и аккуратность русских городов. Здесь дома не лепились друг к другу, а стояли широко, были просторные, проветриваемые дворы. Люди жили общинами, миром, а это значит, куски улиц были «общими» и поэтому никто, как в Париже, не мог выплеснуть ведро с помоями просто на улицу, демонстрируя, что только мой дом частная собственность, а на остальное наплевать!

Единственный город в России, который был мерзок и вонюч, именно не на площадях и проспектах, а в подворотнях и жилых кварталах, был самый европейский город Санкт-Петербург. Недаром эту его специфику запечатлели Некрасов в стихах и Достоевский в «Преступлении и наказании». Но это было уже в XIX веке.

Может быть, в Европе XIX век что-то изменил? Да, но благодаря русским, которые вошли в Европу и привезли с собой походные бани. Но потребовалось еще почти 100 лет, чтобы, например, в Германии началось массовое строительство общих бань и немцы приучились мыться каждую неделю. Без шуток, в 1889 году «Немецкое общество народных бань» зазывало граждан в бани и писало рекламные объявления: «каждому немцу баня раз в неделю». И то на всю Германию в начале XX века насчитывалось всего 224 бани.

Все века европейцы по традиции мылись в купальнях, больших бочках или тазах, в своей же пене или грязи, и делали это не чаще, чем раз в месяц или перед важными праздниками или событиями. Но может, это только простой народ в Европе был немыт, а знать могла себе позволить жить в чистоте? Нет, гигиенические привычки распространялись на всех, независимо от сословий. Вот Юст Эль, датский посол в России в начале XVIII века, удивляется на русскую чистоплотность, вот Уэллслей, английский военный атташе при Александре II, удивляется еженедельному мытью русских...

Вообще очень полезно прочитать всем книжку «Россия это сама жизнь», изданную Сретенским Монастырем в 2004 году. У книги более двухсот авторов, все это иностранцы, которые побывали в России с XIV по XX век и оставили свои заметки и впечатления. Такую подборку надо было издать уже давно, ведь действительно в Россию приезжали миллионы иностранцев! И, конечно, они оставляли воспоминания. Но у нас на все случаи жизни привыкли цитировать одного только маркиза де Кюстина. Его феномен именно в том, что он единственный из миллионов иностранцев, побывавших в России (в том числе в плену), оставил о ней негативные тенденциозные впечатления. Тогда, перед Крымской войной, в Европе нужен был такой автор, там как раз нагнеталась антироссийская истерия перед будущими схватками. Оттого и был он десятки раз переиздан в Европе, а затем и в СССР в «демшизоидном» 1990-м году аж три раза, аж 700-тысячным тиражом!!! То, что написанное Кюстином зачастую банальная клевета и невежество, прекрасно показали В. Кожинов и К. Мяло.

Миллионными тиражами должны быть изданы мемуары десятков послов в России, пленных, политических деятелей, путешественников. Практически все написанное ими может быть подытожено одной фразой: «Все иностранцы ехали в Россию русофобами, а возвращались русофилами».

Есть масса курьезных фактов. Например, всем известно, что фашистская пропаганда научила немцев воспринимать русских не иначе как «русиш швайн», свиней. Но немногие знают, что во вторую мировую войну для ведомства Геббельса встала серьезная проблема, что делать: от сотен тысяч немцев, у которых в услужении были угнанные в рабство славяне, шли письма и отзывы на тему того, что официальной пропаганде нет доверия, ведь «русские оказались более чем людьми», а вовсе не свиньями. Прочитайте воспоминания немецких военнопленных, в мозг которых не вмещалось, как это русские женщины, мужей которых они убивали на войне, дети которых гибли под бомбами, приходили на стройки и брали у немцев на дом вещи для стирки...

Квартиры с ванными появились в Европе только в 60-е годы XX века, а походы в бани, хоть в общественные, хоть в экзотические типа саун, русских бань, терм и хамамов являются редкостью. В России же и в советские времена культ чистоты и гигиены поддерживался с особой настойчивостью. Кто не помнит строки из стихотворения Маяковского про мальчика, который любит мыло и зубной порошок? Кто не знает «Мойдодыр» К. Чуковского? Кто не знает песню про то, что «от всех болезней нам полезней солнце, воздух и вода»? Кто из советских людей не видел плакатов «Чистота – залог здоровья» и «Мойте руки перед едой»? Кстати, вопрос русских: «А где тут у вас можно вымыть руки?» до сих пор удивляет иностранцев. Те руки перед едой не моют, если они не очевидно грязные.

Что касается бань, то в России до сих пор это поголовная любимая народная традиция. Даже урбанизированные городские жители выбирают на дачи или к старикам в деревню, где баня есть обязательно, если не у себя, то у друзей или соседей. Это отличительная черта русского образа жизни, не имеющая аналогов в мире – банька на природе. Но русские любят и общественные бани, как герои фильма «Ирония судьбы, или с легким паром».

Общаясь с эмигрантами, покинувшими Россию в последние 30 лет, можно действительно сделать вывод, что впервые за тысячелетнюю историю Запад превзошел Россию в вопросах чистоты и гигиены. Действительно, сейчас на Западе есть и ванны, и душ, и биде, и джакузи в огромном количестве, царский ассортимент всевозможных средств гигиены, моющих и чистящих средств, туалетная бумага в каждом общественном туалете и многие другие достижения «культуры». Но и здесь бизнес, производство этих средств гигиены и косметики, и реклама сделали свое черное дело: перебор! Современный западный человек живет как под стеклянным колпаком: ему недоступны даже полезные бактерии и микробы, он не имеет иммунитета против элементарных заболеваний, шкафы его полны лекарствами, без которых он, как наркоман, уже не может обойтись даже при самой безобидной простуде.

В гигиене, как и во всем, нужна мера. Впрочем, если захотеть, можно найти массу цифр, которые бы свидетельствовали о том, что и до меры там далеко. Например, во Франции вши до сих пор нормальное явление, мази в аптеках от них продают. В Англии в частных школах от вшей стригут детей коротко, а моют по пять штук в одной ванной. В Японии 95 % детей больны аскаридозом. И так далее, и тому подобное.

Недаром наша нация была и остается одной из самых здоровых наций мира. Здоровью и физической красоте русских иностранцы поражались во все времена. Можно пройтись по улицам и понять это, посмотрев на русских женщин. А ведь это не просто местная специфика, данная природой. Женщины – хранители элитного генофонда. Как утверждают генетики, мужской набор генов всегда экспериментален, и большая часть генного набора мужчин – это генетический мусор, не прошедший эксперимент. Только то, что оказалось полезным и прошло обкатку, передается женщине на одно поколение позже. По красоте и здоровью женщин можно судить о генофонде. И тут не европейцам и американцам нас судить.

Уникальное исследование распространенности врожденных медицинских пороков проводилось в 193 странах мира американскими учеными по заказу общественной организации March of Dimes, занимающейся помощью детям с врожденными недугами. В исследованиях

учитывались врожденные пороки генетической или частично генетической природы, в том числе пороки сердца, пороки медуллярной (мозговой) трубки, талассемия и серповидно-клеточная анемия (болезни крови, связанные с нарушением структуры гемоглобина), синдром Дауна.

Общие выводы специалистов March of Dimes были неутешительными: в целом по миру каждый 16-й новорожденный имеет серьезные генетические отклонения. Основная причина – плохая экология, вредные химические вещества или некоторые виды инфекции, попадающие в организм будущей матери, а также кровнородственные браки и поздние роды.

Результаты исследования показали: генетическое здоровье нации в России до сих пор остается одним из лучших в мире. Число врожденных дефектов на 1000 детей, появившихся на свет в нашей стране, оказалось равным примерно 42. Мы занимаем пятое место в мире по уровню генетического здоровья. В конце списка оказались Бенин, Саудовская Аравия и Судан с показателями от 77,9 до 82. Среди постсоветских стран худшие показатели у Таджикистана (75,2) и Киргизии (73,5). Примечательно, что США с их хваленной медициной и модой на здоровый образ жизни оказались лишь на 20-м месте, уступив своей южной соседке Кубе.

«Исследование подтверждает, что в наследство от предков россиянам достался хороший, надежный генотип, а это – основа здоровья, – говорит заместитель директора медико-генетического центра РАМН по науке профессор Александр Чеботарев. – В целом их данные вполне сопоставимы с теми, что мы получаем в выборочных исследованиях. Важно, чтобы люди понимали: в наших силах преумножать здоровье будущих поколений, а не бездумно растрачивать то, что досталось от дедов и прадедов».

Итак, слухи о том, что российская нация вымрет не позднее чем к следующему вторнику, в очередной раз не подтвердились. Как и тот «непреложный факт», что генетическое здоровье нации напрямую зависит от «уровня развития демократии» в той или иной стране. Впрочем, то, что американцы уступают нам целых 15 позиций в грустном реестре, почему-то не удивляет. Достаточно пересмотреть фильм «Двойная порция» Моргана Сперлока, чтобы понять, какая участь ожидает в перспективе нацию, придумавшую быстрое питание в картонных пакетах. Мы же, не женатые на кухнях, в отличие от президента Рузвельта и писателя Эдгара По, предпочитающие растворяющей медяки кока-коле домашний квас и пиво без консервантов, не боящиеся ни свирепых морозов, ни социальных потрясений, все детство проводившие на футбольных полях, а не в душных квартирах за плейстейшеном, имеем все шансы остаться нормальными и здоровыми.

Да, средняя продолжительность жизни в России в последнее время резко упала, но это временное явление, возникшее по причине мягкого геноцида, называемого «перестройкой» и «демократическими реформами». Но с тысячелетним здоровым генетическим заделом все легко восстановится, как только Россия окончательно вылечится от демшизы.

На этом можно было бы поставить точку, но один демшизоид, которому я приводил уже вышеизложенные аргументы в сходном споре, продемонстрировал своего рода лазейку, которую мне хотелось бы закрыть. Дескать, когда говорят о «российской немытости», имеют в виду не личную гигиену, а грязь в быту, мусор на улицах, зассанные лифты и слово из трех букв на заборах.

Не знаю... Да, иной раз у самого сердце сжимается, когда проезжаешь российскую деревню. Покосившиеся некрашеные заборы, заросшие палисадники... Но это же просто бедность! Это смерть деревни, урбанизация. Трудно что-то требовать от оставшихся в деревне стариков, доживающих последние годики, и от безработных спивающихся бывших «знатных хлеборобов и механизаторов». Однако если зайти к старикам в дом, там все чисто и прибрано, каждая вещь на своем месте.

Вспоминаю молодость и студенческие общежития: самые грязные, кишачие тараканами комнаты всегда были у иностранных студентов. Наши же, особенно девчачьи, всегда были чистыми и уютными.

И вот еще что. Одна из отличительных традиций. Всегда и везде в России на пороге люди снимают обувь. Как, помнится, восторгалась наша демшизоидная интеллигенция тем, что за границей туфли никто не снимает. Как удобно! Но чистота на самом деле всегда связана с жертвами в ее пользу. Не мыться месяцами тоже «удобно». А ведь вход с улицы в обуви – это грязь, пыль, настоящее свинство. Ведь в доме играют дети, если маленькие, то они ползают по полу... Большинство квартир иностранцев, в которых я побывал, напоминали либо общежития, либо номера гостиниц, прежде всего из-за грязного от уличной обуви пола. Кстати, сейчас все больше распространяется обычай по всему миру все же снимать уличную обувь и пользоваться тапочками. У них только распространяется, а у нас всегда было так!

О виде наших городов и поселений в прошлом уже говорилось выше. Что касается настоящего, то действительно, есть места на земном шаре, где подобных явлений крайне мало. Какая-нибудь новая Англия, Санта-Барбара, маленькие городки Германии, Италии или Фландрии. Но в Англии есть свой Ливерпуль, в Италии – довольно дурно пахнущая Венеция. Даже в Германии есть такие города-монстры как Белефельд, например. В нем жить нельзя. Говоря про Америку, нужно помнить о Гарлемах, Бронксах и метро Нью-Йорка. Надо помнить о фавелах всех городов Южной Америки, о восточных гетто. В Китае даже посреди самых современных небоскребов Шанхая и Пекина есть хутуны – страшные нагромождения каморок размером с купе, где живут сотни миллионов человек. В Каире, столице Египта, нищие тысячами живут прямо на кладбищах!

Я уже говорил, что являюсь заядлым путешественником и побывал во многих странах. В отличие от большинства знакомых, я никогда не выезжал «по путевке», через турфирму или по линии политического туризма – во всех этих случаях показывают «витрину». Я всегда ездил абсолютно самостоятельно и смотрел что хотел и сколько хотел.

Граффити и засанные подъезды я видел абсолютно во всех больших городах. В Париже несколько раз в течение дня наступил в собачье дерьмо, в самом центре города. Видел клошаров, валяющихся на тротуарах в собственной моче. Но самый большой аргумент моя двухчасовая видеокассета из центра Европы – из Брюсселя. Там более-менее приемлем для человеческого взгляда только центр, остальное – мрачные каменные джунгли, разбитые стекла, изрисованные стены, горы мусора, грязи и ни одного белого лица вокруг.

Из этой «столицы цивилизованной Европы» нам диктуют, как жить. Эти люди учат нас не ковыряться в носу! Когда мы с дочкой прилетели прямо из Брюсселя в Москву, она сказала: «Папа, как здесь чисто!». Это про Москву-то, которая для всех россиян отнюдь не является образцом чистого города!

Прошу прощения, если доставил кому-то несколько неприятных минут, но таков уж предмет разговора, не мы его начали, а ненавистники России. Если же от неприятного чувства вы хотите поскорей избавиться и обрести «истинную свежесть», не советую новый гель или антиперсперант. По русской традиции вымойте руки, а еще лучше – сходите в баньку, с веничком, с березовым... Прекрасное средство от западного грязного пиара...

Проект и урок Петра Великого

С приходом к власти «питерской» команды многие аналитики всерьез заговорили о возможной реставрации в России так называемого «петровского проекта». Но поскольку в первый срок президентства В. Путина внятной идеологии и стратегии развития России так и не было озвучено, разговоры стихли. Но потом, в связи с активизацией творцов и интерпретаторов национальной идеи, а также в связи с необходимостью идеологии для «преемника», разговоры о проекте «Петр Великий – перезагрузка» участились. К тому же, в 2009 году в Санкт-Петербурге планируется большой «Конгресс петровских городов», и личность Петра Великого будет популяризоваться всеми центральными СМИ. Между тем, еще далеко не ясно, что означал в свое время сам проект Петра Великого. И что значит Петр для нашей истории. Попытаемся осмыслить это феномен.

Личность Петра I волновала и волнует умы всех исследователей истории России. Пожалуй, нет фигуры в русской истории более противоречивой, неоднозначной и подверженной диаметрально противоположным оценкам.

Эпоха Петра – своего рода переломная точка между «старой» и «новой» Россией. Недавно советский фильм про петровскую Россию назвали «Россия молодая», как будто не было предшествующей почти тысячелетней истории, как будто все началось с нуля.

Характеристики Петра самые противоположные. Он и государь, «вернувший Россию на путь цивилизации», совершивший славные победы, расширивший территорию России, превративший ее в Империю, «прорубивший окно в Европу», давший начала наукам и Просвещению, основавший промышленность. И он же душегуб, и палач, и пьяница, столкнувший Россию с великого собственного пути, подражатель европейцам, гонитель Православия, уничтоживший патриаршество, антихрист, исторический неудачник, так как дело его и мечты оказались непрочными и нереализованными.

Чтобы понять логику Петра и то, что он сделал, надо напомнить, какой он застал Россию, какую миссию она тогда несла, какой кризис поразил страну и почему ему требовалось срочно искать новый путь. Только так мы сможем понять, «абсурдные» и самоедские ли были действия первого русского Императора.

На первый взгляд, деяния Петра иначе как предательством не назовешь. Ведь он упразднил патриаршество, ущемил в правах православную церковь, которая была сердцем и организатором борьбы с монгольским игом, вела миссионеров на Восток и расширяла пределы России. Церковь дала миссию, идеологию Московскому царству, которое внушило уважение и страх всей Европе. Церковь была организатором ополчения против панской Польши, силы которой вдвое превосходили силы России. Наконец, церковь поставила на престол самих Романовых. И вот что получила вместо благодарности! За это многие славянофилы ненавидят Петра и повторяют вслед за современниками, что он антихрист. Кто как не антихрист мог сгубить «Святую Русь», как теперь принято называть Русь допетровских времен.

Россия как носительница «истинной православной веры», Святая Русь, действительно существовала, если не со времени принятия христианства, то уж точно со времени начала монгольского ига, которое спровоцировало процесс усиленной самоидентификации. Россия в XII–XV веках, образно говоря, покрылась сетью церквей и монастырей, стала страной с невиданной духовной концентрацией, давшей десятки, сотни святых в короткий период, что сопоставимо со временами гонений на церковь в Римской империи. Процесс этот шел и дальше: и после преподобного Сергия Радонежского, и после избавления от ига, и после провозглашения Патриаршества.

Чем объяснить столь невиданный духовный подъем? Французский философ Ж. П. Сартр, участник Сопротивления, произнес когда-то парадоксальную фразу: «Никогда Франция не

была более свободной, чем в период фашистской оккупации». Он ухватил единый феномен, иногда возникающий в истории великих народов: феномен спровоцированной самоидентификации. Именно при столкновении с Другим возникает борьба за Свое, понимание Своего, развитие Своего. Известна, например, история вавилонского плена, в который попал народ Израиля. Плен длился 70 лет. За это время израильтяне, которые не были в плену, забыли свои традиции, женились на иноверках... Но вот вернулись те, кто все 70 лет хранили верность религии отцов и дедов. Вернулись фанатики, которые стали наводить порядок. Строжайше соблюдали заповеди, даже жен-инородок прогнали... Как знать, может, если бы не плен, не было бы сейчас никакого мирового еврейства...

На Россию монгольское иго (что бы под ним ни подразумевалось) действовало как вавилонский плен на Израиль. Она вышла из него верной традициям, закаленной, мобилизованной, с четким ощущением своей самости, так, что Иван Грозный на предложение «давай жить как в Европе» от Андрея Курбского ответил: «Россия не есть Европа, Россия есть Израиль!». Это означало провозглашение гораздо более высокого статуса: мы, подобно Израилю, избранный народ, а не какая-то там окраина Европы! Инок Филофей создавал концепцию «Москва – третий Рим». Иван III, памятуя о роли церкви, делает единственной своей программой защиту «старины и Православия». И действительно, при нем Россия достигает небывалых вершин могущества. Памятник Ивану Великому уже давно просится в самый центр столицы!

Но уже при Иване Грозном произошел серьезный сбой. С чем же он связан? Почему так уверен был в «старине и Православии» Иван III и так колебался Иван IV? Иван Грозный, пытаясь решить проблему выхода к Балтийскому морю, осознал: *насколько успешны были наши походы на Восток и несение «истинной религии» диким народам Урала и Сибири, настолько неуспешны были наши войны на Западе.*

Россия постепенно начала играть роль прокладки, занимая своего рода промежуточное положение между цивилизованной Европой и дикой Азией. Православие как миссия годилось для наступления в одну сторону и не годилось для наступления в другую. Оно годилось для защиты и не годилось для экспансии. Православие может быть национальной религией России и средством покорения язычников, но не может быть чем-то сверхценным для европейцев, которые имеют свое христианство. На уровне идеологии мы можем в лучшем случае полемизировать, но у нас нет идеологии выше европейской. Более того, Европа начинает показывать и некое гуманитарное превосходство: появляются новые невиданные ранее социальные концепции и идеи. Поэтому Иван Грозный начинает смотреть в сторону Европы и изучать ее опыт.

Иван Грозный, вопреки мнению многих историков, видящих в нем типично азиатское явление, наоборот, был в значительной мере заражен «европейскостью». После неудачных ливонских войн он впадает в кризис и всерьез думает о европейском, по сути, проекте перехода от теократической монархии к светской. Он страдает раздвоением личности. Он еще в споре с Курбским твердо придерживался мнения, что «Россия есть Израиль, а не Европа», но в то же время учреждает опричнину. Ведь постановка себя над Церковью и жестокие казни – сугубо европейское, невиданное ранее на Руси дело.

Иван Грозный во всем (даже в брачной жизни) брал пример со старшего современника англичанина Генриха VIII. Генрих, а также испанские короли Карл V, Филипп II, французский король Карл IX казнили своих подданных сотнями тысяч, так что 3000–4000 жертв Ивана Грозного – просто невиданный «гуманизм и мягкотелость» в сравнении с «цивилизованной Европой». Но именно для России это и был шок, потому что такого зверства от своего государя, от отца, по отношению к своим же православным она не ожидала.

Сам Грозный бесконечно кается, вновь возвращается к казням и кается опять. Эта маятниковость, маята в «голове» России во сто крат увеличенной отразилась в теле государства: Россия пошла вразнос. Царь сам показал пример, как можно убивать митрополита, лгать, каз-

нить, нарушать все заповеди, а уж если это позволено царю, с которого большой спрос у Бога, то что ждать от слабых простых людей.

Все стало разрешено, все позволено... Началось смутное время, упадок, прежде всего духовный, череда предательств, толкотни возле трона и проч. Смута спровоцировала поляков к агрессии, а градус русофобии в Европе и так был за предшествующие 100 лет поднят достаточно... Россия теряет суверенитет, прерывается 600-летняя династия, в Кремле сидят марионетки иностранных государств, чего не было уже целый век. Польша в два раза больше России по населению, богаче, превосходит науками и просвещением, превосходит в военном отношении... Все безнадежно.

Но Россия победила. Ее спас собственный народ, а не предательская элита. Был возвращен суверенитет, на Соборе с молитвами учреждена новая династия, истинное Православие торжествует над неистинным католичеством. Чего же еще? Все теперь понятно: в выборе между «европейскостью» и «израилевостью» должна однозначно побеждать концепция России как богоизбранного народа.

Вот, говорили в элите, вспомните смуту: царь Иоанн заколебался в вере, мы пришли в смятение и чуть не погибли, а Бог и православный люд спасли Россию. Теперь очевидно, что Православие должно быть и вечно оставаться нашей миссией. Причем, раз оно нас спасло, то мы должны всерьез заняться им, отдать ему дань; мы должны найти истину внутри истины, суть внутри сути и ответить на вопрос: что делает истинное Православие истинным и православным?

Патриарх Никон берется за эту проблему, ведомый миссией России как Израиля. В Подмосковье он основывает новый Израиль, новый Иерусалим (Новоиерусалимский монастырь). Здесь течет новый Иордан (переименованная р. Истра), здесь теперь будет всемирная Мекка Православия, здесь будет наш Ватикан, и миллионы паломников должны будут устремиться сюда со всего мира.

Фигура Никона в нашей истории выдающаяся. В нем так и не увидели главного. Он, на исторической развилке, направил Россию на определенный путь, а именно: не на путь исключения и культивирования в себе своей особенности и инаковости, а на путь включения в большой мир, в большее пространство. Если бы мы, упиваясь своей спецификой, сохранили в себе отличия нашей обрядовости от других, то мы бы лишили себя шанса жить в гармонии со всем великим православным миром, а значит, лишили бы себя шанса в будущем объединить его под собой, стать центром Православия.

Никон хотел стать православным Папой, мечтал, чтобы хоть в будущем Россия как духовное пространство превосходила свою политическую величину, а не равнялась ей. Светские государи были бы лишь орудием в руках духовной власти, поэтому логика требовала, чтобы Никон был не меньше царя.

Невиданный религиозный подъем и общественная дискуссия вокруг Православия, однако, спровоцировали ужасный раскол. Концепция «избранничества» вообще потенциально чревата расколами. Она хороша, когда неизбранные, неверные и неистинные нападают на нас, избранных, и мы защищаемся, мы умеем выживать. Стоит лишь внешнему прессингу прекратиться, внутри начинается дискуссия, кто более избран из избранных, так как логика избранничества требует продолжения избирания, отделения все более лучших от все более лучших, овец от козлищ, зерен от плевел, зерен и овец элитных от просто овец и зерен, и так до тех пор, пока не останется самая суть, самая избранная избранность, вытяжка высшей пробы.

Собственно Церковь (по-гречески: эк-клезиа) означает не собрание и соборность, как это часто переводят, а именно избранность (в противном случае была бы не эк-клезиа, а су-клезиа), а глагол эк-клею означает исключая.

Половина тогдашней России ушла в раскол. Не так принципиально, кто в этом случае прав, кто виноват. Действительно ли надо было переписывать богослужебные книги по грече-

ским образцам и креститься тремя перстами. Важно то, что было понятно: царство, «разделившееся в себе не устоит». И царь Алексей Михайлович, который раньше готов был к теократии, вынужден показать Никону на его место – НИЖЕ себя и стать арбитром между раскольниками. Он вынужден был возвращать протопопа Аввакума, мирить всех, наказывать и казнить тех, кто не захотел замирения (опять же, раскольников).

Прошло 100 лет, а возникла та же проблема, что и перед Иоанном Грозным. И опять стало очевидно: Православие хорошо для защиты, для колонизации язычников (территория России за это время, между прочим, утроилась), которые не считают себя избранными, но не годится для наступления, для прорыва в Европу, которая тоже имеет христианское мировоззрение и считает его не менее истинным, чем Православие.

Оставлять все как есть тоже нельзя – возникает саморазложение и самораскол. Хочешь – не хочешь, царь вынужден становиться светским государем и вставать над церковью. А ведь в Европе начинается расцвет наук и ремесел, что лично увидел молодой Петр, прибыв в протестантский Амстердам, столицу тогдашнего Запада, перехвативший этот статус у католических Венеции и Генуи.

России требовались выходы к морям – мир богател только за счет торговли, коммуникаций и транзакций. Очевидно, что протестантизм виделся Петру высшей гуманитарной практикой в сравнении с «архаичными» Православием и католичеством. Более того, настоящей религией для Петра становятся «наука и техника», которые выглядят идеологически и религиозно нейтральными и, тем самым, универсальными. А это значит, что успехи в науке и технике будут способствовать экспансии, будут помогать покорять и язычников, и православных, и католиков, и протестантов. Наука и техника есть передовая идеология, с ней можно идти в любую сторону. Это будущее Европы, в которое надлежит впрыгнуть раньше самой Европы, пока она, разрозненная, еще борется с собственными «пережитками прошлого».

Вот такая Россия досталась Петру I. И он, решая аналогичную «проблему Европы и Запада», уже ни минуты, в отличие от Ивана Грозного, не колебался. Он стал «грозным» не в конце жизни, а в начале, когда сам сек головы стрельцам, сам участвовал в пытках. При Петре погибло гораздо больше народа, чем при Иване IV. Он завершил начавшийся уже процесс полного перехода к светскому государству, упразднил патриаршество, закрыл часовни, повелел «мощей не являть и чудес не выдумывать», запретил жечь свечи вне церкви, писать иконы на дереве... Он брил бороды, заставлял носить европейское платье, менял календари и алфавиты. И это была принципиальная позиция, заключающаяся в ставке на мимесис, подражание.

Философ Лейбниц, «главный» в то время, высказал Петру сомнения относительно долговечности его преобразований, поскольку они поверхностны, не выросли из народного духа, из сущности, а привнесены извне и довольно быстро и радикально. Петр ответил философу так же, как Ленин позже отвечал Плеханову: «Вы говорите, что в России не развиты производительные силы, чтобы на их основе развивались соответствующие производственные отношения? Вы говорите, что социалистическая революция может быть только в развитых капиталистических странах? А я отвечаю, что мы сначала создадим соответствующую надстройку, и она потянет за собой базис!»

«Народный дух создается привычкой, – говорит Петр Лейбницу, – а не привычки вырастают из духа, поэтому мы поменяем привычки, и у нас появятся новый дух и новый народ». По сути здесь воспроизводится спор того же Лейбница с Локком, который утверждал, что сознание есть «чистая доска», на которой опыт пишет все, что угодно. Сам же Лейбниц ратовал за уникальность каждого духа, за разнообразие духов, и считал, что нужно развивать свое мировоззрение из себя самого. Петр не услышал этого. Нет никакой предзаданной сущности, в сознании народа есть только текущий исторический опыт и привычки.

Петр был первым «большевиком». Но чего он добивался? Простого превращения русского народа в типичный европейский? Нет, за этим ВНЕШНИМ подражанием Европе стоял совершенно другой проект!

Чтобы понять логику Петра, душу Петра, надо сделать небольшое отступление. Дело в том, что на изломе истории, в период перехода от феодализма к капитализму, стали враждовать две принципиальные парадигмы. Средневековые подчинялось закону рода и происхождения. Человек, родившийся, например, графом или князем, получал свое место в обществе благодаря своему благородству, он приходил «на все готовое». Человек капиталистический, чтобы добиться чего-то, должен был пройти определенный путь, стать селфмэйдменом, он должен был заплатить годами упорного труда за свой статус. Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью – настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился. Не будем сейчас спорить, насколько это верно, важно то, что Петр получил власть в борьбе с династическими группировками, а не естественным образом, и он, очевидно, был склонен придерживаться новой логики и новой парадигмы.

Кроме того, новая парадигма породила логику маргинализма. В чем она состоит? Человек, родившийся, грубо говоря, в столице, в центре некой культуры, подобен старому аристократу – он естественным образом получает все готовое. Человек, родившийся на окраине, находится в эксцентричном положении. Он чувствует, что принадлежит к некой культуре, но в то же время ее центр находится где-то во вне, и ему надо до него дойти, его «покорить», «завоевать столицу».

Этот феномен известен нам не только на примере корсиканца Наполеона, мы и сейчас свидетели того, что вся московская, например, элита – не «коренные москвичи», которые видят в москвичах сонных мух. Одним словом, гении рождаются в провинции, а умирают в столице. Именно потому, что гений сам прошел путь до центра, заплатил за него жизнью, а не получил на блюде с голубой каемочкой. Важно еще и вот что: живущий в провинции постоянно сталкивается с чужим, с иной культурой, он находится в экстремальной ситуации, когда вынужден постоянно балансировать на грани своего и чужого, упорно защищать свое. Тот, кто живет в центре, находится под защитой окраин и с чужим не имеет дела. Более того, он даже толком не умеет отделять свое от чужого, не имеет представления о чужом, часто путает свое и чужое и, главное, часто соблазняется чужим, как чем-то далеким, интересным, экзотичным. Поэтому для провинциала «столичные фрукты» не только сонные мухи, но и предатели, которые вместо защиты своего и его развития постоянно увлекаются чужим, предают свою провинцию.

Все экстремисты вырастают из провинциалов. Из современных примеров – Жириновский, родившийся в Средней Азии в семье «юриста» и ставший главным русским националистом.

Маргинальное происхождение обладает и еще одним преимуществом. Тот, кто находится на краю культуры или даже одной ногой стоит в одной культуре, а другой ногой в другой, имеет возможность посмотреть на свою культуру со стороны, имеет точку опоры во вне, позволяющую переворачивать свою культуру, модернизировать ее. Эта логика позже прекрасно будет интегрирована, например, в марксизм. «Посмотрите, – говорит Маркс, – пролетариат – это класс, вытолкнутый на обочину общества, но именно поэтому он может видеть целое этого общества со стороны и именно поэтому может из вне преобразовывать это общество».

Маргинальный класс является и самым передовым. Ленин продолжает Маркса: «В капиталистическом мире, – говорит он, – маргинальной является Россия, это “слабое звено”, именно поэтому она может видеть его стороны и перевернуть его, именно поэтому революция произойдет не в передовых странах, а в России...»

Безусловно, не все, живущие на границе, так жестко цепляются за свое. Много тех, кто в этой экстремальной ситуации наоборот, соскальзывает в другую сторону, присягает чужой

культуре. Это бывает особенно часто, когда чуждая цивилизация демонстрирует какие-то успехи на фоне упадка своей.

Пограничье часто переходит в другую цивилизацию и становится окраиной чужой культуры, хотя недавно она была окраиной культуры своей. И там тоже возникают рьяные патриоты, но уже чужой культуры, потому что факт предательства требует внутреннего самооправдания, доказательств того, что тот, кого ты предал, был достоин этого, а тот, кому ты присягнул, требует действенного подтверждения предательства.

Таким пограничьем в те века (да и сейчас) была Украина. Украинская проблема стояла перед Петром в широчайшем масштабе.

Украина как государство тогда не существовала. Люди, которые жили там, называли себя русскими, а вся территория называлась Малой Русью. Малороссией. «Малый» не значит «маленький», а значит – «исконный», подобно тому, как в русских городах «Малый Кремль» (детинец) – это начальный исконный Кремль, от которого рос потом город.

Украиной (окариной) презрительно называли эту землю поляки и литовцы, да и то не в смысле самоназвания, а в прямом смысле «приграничья».

Слово «украинец» было фактически не распространено, и даже когда употреблялось, означало не национальную принадлежность, а географическую, как например, «поморец», «сибиряк», «уралец». Нацию из украинцев стали «делать» уже в XIX–XX веках на деньги австро-венгров и поляков, переписывая русских и русин как «украинцев».

В эпоху Смутного времени «украинцы», входившие в состав Речи Посполитой, выступали на стороне Польши и фактически на треть усиливали ее потенциал, борясь с русскими братьями по крови, религии, языку, культуре. Во время русско-польских войн XVII века «украинская элита» умудрилась трижды продать свою страну трем соседним государствам: то есть объявляла о своем вхождении в них.

В 1654 году Хмельницкий воссоединил Украину с Россией на Переяславской Раде. В 1658 году гетман И. Выговский заключил Гадячский договор о возвращении Малой Руси в польское подданство. Примечательно, что в тексте договора были такие слова: «Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем...». Гетман Дорошенко для борьбы с гетманом Брюховецким активно привлекавший татар, в 1669 году вообще от имени всех казаков присягнул турецкому султану, который объявил всю Малую Россию своею. По Андрусовскому перемирию 1667 года и Вечному миру 1686 года территория Малой России была разделена между Московским царством и Речью Посполитой, однако гетманские измены, влекшие за собой нарушение суверенных прав Москвы, переходы казаков на польскую сторону продолжались на протяжении всего XVII и начала XVIII веков. В свою очередь, московское правительство шло на уступки гетманам и казачьей аристократии, узурпировавшим власть и установившим крепостное закабаление малороссийских крестьян. Оно фактически устранилось от управления этими землями, разрешило оставлять в гетманской казне все доходы с городов и сел Малороссии. Многие российские государственные деятели высказывались за лишение Украины русского подданства, что, впрочем, не находило поддержки у глубоко религиозного царя Алексея Михайловича (1645–1676), не желавшего отдавать православный народ под власть католиков или мусульман.

Постоянное метание между разными государствами и цивилизациями, метание между трех огней, отразилось на характере украинской элиты: постоянные раздоры, недоверие себе и другим, предательство союзников.

Поговорка «где два хохла – там сразу три гетмана» родилась не вчера. Иван Мазепа, ставший гетманом в 1687 году, прошел большой жизненный путь: он бывал и при русском дворе, и при польском. Его логика – логика типичного маргинала. Он видел две цивилизации и разрывающееся между ними пограничье и должен был либо на всю жизнь присягнуть одной из них, либо, как прежние гетманы, постоянно сидеть на всех стульях, интриговать и предавать.

Душой и воспитанием он был с поляками, но сами поляки считали его человеком второго сорта – Мазепа ведь был русским.

Его знакомство с Петром I стало настоящей находкой. Он увидел в увлеченном Европой Петре единомышленника и с радостью присягнул ему, целовал крест. Мазепа опирался на Петра и в борьбе с казачьими атаманами, поклонниками старины и Православия. Те по старинке «стучали» на него в Москву и обвиняли в русофобии, Петр с чистой душой сдавал их Мазепе, а тот расправлялся с противниками европеизации.

Сам Петр мыслил тоже в маргиналистической парадигме. Однако он был царь, и он не рассматривал Россию как иную цивилизацию в сравнении с Европой, как это делал Мазепа. Для Петра сама Россия (а не Украина) была своего рода границей Европы, и Петр, как классический «провинциал», решил «покорить столицу».

Мазепа и Петр подружились и видели друг в друге единомышленников на почве западничества. Но каким разным было это западничество!!! Мы уже почти 200 лет делим нашу интеллигенцию на западников и славянофилов, но не подозреваем, что есть два принципиально разных вида западников: одни одержимы комплексом неполноценности и готовы служить Западу, другие хотят рулить самим Западом как центром мира.

Оттого и разная судьба постигла Петра и Мазепу. Казалось, расчет Мазепы был точен, он нашел четвертую силу (вместо прежних Польши, России, Турции), а именно Швецию. Самую могущественную страну той эпохи. Передовую в техническом, военном и научном отношении.

Карл покорил половину Европы, и его армия превосходила российскую по всем параметрам: это доказало и поражение русских под Нарвой. Карл покорил Данию и Польшу, перед ним заискивали французы и англичане. Саксонский король, союзник Петра, тайно подписал с Карлом мирный договор. От того, на чью сторону встанет Мазепа, зависел дальнейший расклад сил. И Мазепа, по старой гетманской привычке, предал Петра, взяв жовто-блокитный шведский флаг (нынешний флаг Украины).

Это было катастрофой, нельзя описать все переживания Петра. Под Полтавой его могло спасти только чудо, но оно случилось. Мазепа бежал и кончил так же, как многие гетманы до него – стал символом позора и предательства. А Петр победил не кого-нибудь, а саму Европу в ее тогдашнем наивысшем проявлении (как позже мы победили высшее проявление Европы – Наполеона, высшее проявление и покорителя Европы – Гитлера).

Нельзя видеть в Петре просто жалкого подражателя и марионетку Запада, какого-нибудь саакашвили или ющенко тех времен. Уже то, что Петр не пошел за влиятельнейшим католичеством, а выбрал для подражания протестантские страны, говорит о многом.

Если для западников счастье – быть последними в Европе, то проект Петра состоял в том, чтобы стать в Европе ПЕРВЫМ.

О том, что его народ предназначен только для лидерства, Петр заявляет в разговоре с Лейбницем. Концепция «избранности» России осталась от отцов и дедов, но теперь она переформулирована так, что Россия, как партизан и шпион, сначала маскируется под Европу, перенимает у нее все лучшее, а потом внезапно становится тем, к чему давно стремилась, – лидером. Россия должна была не просто победить Запад, а стать центром западного мира и центром Европы вообще!

Подобно тому, как Патриарх Никон в порыве реализации идеи «Россия – Израиль» всеерьез создавал под Москвой Палестину (с Иорданом, Голгофой, Сионом, Вифлеемом, Новым Иерусалимом, Назаретом и проч.), Петр Великий хотел создать в России новую столицу, Санкт-Петербург, которая была бы большей Европой, чем сама Европа.

Ярчайший представитель «Святой Руси» св. князь Александр Невский сказал: «Кто с мечом к нам придет, от меча же и погибнет!». У Петра речь шла о том, чтобы победить Запад его оружием: науками, духом, идеями, просвещением. Так, оказывается, наше «западничество» вытекает из нашего «славянофильства»!

Именно поэтому Петр начинает перекачку мозгов, встречается с главным философом того времени Лейбницем, делает ставку на флот как основу тогдашнего могущества.

Интересен и такой факт: мы употребляем слова «Европа» и «Азия», часто не задумываясь, откуда они взялись и на каком основании те или иные территории были отнесены туда или сюда и кто это сделал. А сделал это, то есть провел границу Европы по Уралу, картограф Страленберг по подсказке «птенца гнезда Петрова» В. Татищева! И теперь, согласно всем картам, Санкт-Петербург оказывается как раз самым центром, столицей Европы!

О духовном лидерстве в Европе, а «не токмо» о географическом, мечтает еще один «петровец» – Михайло Ломоносов, который говорит о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах», которые вот-вот появятся в России и сделают ее духовной и научной империей мира.

Иностранцев ко двору русских князей в большом количестве начал приглашать еще Иван III, но это все были узкие специалисты: архитекторы, живописцы, пушкарки. При Петре началась настоящая перекачка мозгов на все возможные должности для того, чтобы в следующем поколении научившиеся русские могли превзойти учителей, как сам Петр превзошел своего военного учителя короля Карла под Полтавой.

Но уже в этом крылся подвох. Одно дело – снимать сливки с западной культуры и науки, так, чтобы этот плодородный слой дал учеников, действительно превосходящих западный уровень, другое дело – приглашать ловцов счастья, денег и чинов, космополитов третьей свежести, которые могли дать таких же серых бездарных учеников и обеспечивали не превосходство над Западом, а наоборот – постоянное отставание от него.

К тому же, западные серость и чванство действительно стали душить самородные русские таланты, появившиеся в результате энергичного порыва нового проекта. На это справедливо жаловался уже Ломоносов.

Возникло как бы две России. Одна, народная, все еще была православной, традиционной, допетровской (пугачевщину, кстати, можно интерпретировать как попытку бунта против либеральной элиты и возвращению к старым порядкам, с настоящим царем). Другая, Россия дворянская, была европейской. Постепенно она даже полностью перешла на другой язык. Голландцев и немцев сменили англичане, а потом французы.

Тонкий слой элиты жил европейской жизнью. Дворцовые перевороты, балы, красавицы, лакеи, юнкера... Россия, к тому же, считает своим долгом участвовать во всех европейских делах, в том числе в политике. Россию использует как союзника то одна держава, то другая. Льется русская кровь, но ощутимых выгод России это не приносит. Наоборот, ее презирают те, кому удалось ее использовать, и боятся и ненавидят те, у кого это не получилось.

Но все победы России, военные победы, делались народом на основе прежней, православной, миссии. Народ воевал за спасение души, православного Бога, православного Царя и православное Отечество, а не за либеральную свободу или геополитические интересы. Все великие полководцы использовали Православие для поднятия духа войск. Ушаков уже канонизирован, Суворов обязательно будет канонизирован, как человек, живший православной жизнью и прививавший в войсках Православие. Кутузов позже приказывал обносить иконой Божьей Матери войска перед любой битвой.

Величие и авторитет России опять держался на воинской славе, на штыке. Россию в Европе боялись, но ею не соблазняются. Она опять предстает страной чуть обузданных варваров. За европейским лоском найдешь азиата – говорят о России. Пока Екатерина гордится собой, что переписывается с самым модным философом Европы – Вольтером, сам Вольтер использует переписку в качестве пиар-акции для реализации часов фирмы, в которой он акционер.

Эта огромная проблема, проблема превосходства европейцев в деле просвещения, создалась Петром III.

Указ о дворянской вольности, об освобождении дворян от службы, должен был решить именно этот вопрос. Он вовсе не ставил задачу увеличить эксплуатацию крестьян, как пишут в либеральных и марксистских лубочных учебниках истории. Просто картина маслом какая-то: сидят Петр III и Екатерина Великая и думают, как бы им побольше закабалить крестьян и наплодить паразитов... На самом деле они понимали то, чего не понимает обыватель, чего не понимали элиты впоследствии и до сих пор не понимают в руководстве России.

Дворянство было освобождено от службы только для того, чтобы в обществе появился огромный слой людей, чьей каждодневной обязанностью будет производство духовных ценностей (искусства, философии, науки...). А это, в свою очередь, возникло из понимания, что духовное служение, служение науке, искусствам, просвещению дает государству больше, чем служение военное!!! С точки зрения стратегической безопасности и увеличения суверенности, лучше, чтобы в стране было больше философов, художников, поэтов, архитекторов, литераторов, религиозных деятелей и проч., чем военных, потому что все они обеспечивают духовное лидерство страны и ее духовный суверенитет, они делают страну любимой другими, а не страшной, как это делают военные.

100 лет – достаточный срок, чтобы подвести итоги и сказать, смогли ли мы догнать и перегнать Европу. И вот Петр Чаадаев в «Философических письмах» диагностирует: Россия, дескать, ничем себя не проявила, и уже, похоже, не проявит, она призвана явить миру урок бесполезности. Россия всего лишь окраина Европы, ее бездарная ученица. Проект Петра утонул в подражательстве и низкопоклонстве перед Европой. У нас, может быть, и лучшие в мире балерины, но не мы создали балет, у нас, возможно, и отличные художники, но не мы создали живопись. Да что там виды искусств, мы не создали даже стилей! У нас могли быть шедевры романтизма и классицизма, но не мы создали романтизм или классицизм как стили. Россия не породила ни одного философа уровня Платона и ни одного ученого уровня Ньютона, вопреки пророчествам Ломоносова. Наверное, это и невозможно было вообще. Грубо говоря: ты можешь проигрывать или выигрывать в футбол, но в обоих случаях ты играешь в футбол, а не в лапту, и это льет воду на мельницу Англии, «раскручивает» Англию, которая футбол породила. И так во всем.

Безумнейшее и головокружительное упоение Европой дало только первенство в светской жизни – таких роскошных балов и салонов, как в Петербурге, не было нигде! Оказывается, обеспечение «материального базиса», материальной независимости, наличие свободного времени, освобождение от нужды не только недостаточное условие для духовного творчества, но и вовсе не необходимое. А, возможно, даже и вредное. Выращенный на всем готовом, воспитанный французским гувернером барчук, как дрессированная обезьяна, мог только имитировать и симулировать некий привнесенный усредненный образец «культурного европейца». Набор необходимых качеств был незатейлив: чтобы пройти тест на культурность и европейскость надо было... «по-французски изыскаться совершенно и писать, легко мазурку танцевать и кланяться непринужденно... чего ж вам больше?» (Пушкин). Зато сколько пафоса, чванства, высокомерия по отношению к холопу, не овладевшему культурной нормой, сколько презрения к «Ваньке»!

Уже поход Наполеона привел нашу проевропейскую элиту в смятение: она не могла понять, как Европа может вообще напасть на Россию? Ведь мы по сути такие же как они, состоим в одних и тех же масонских обществах, посещаем одни и те же салоны, танцуем одни и те же мазурки... После победы над объединенной Европой (а у Наполеона служили все), он стал воплощением всего Запада, а мы его победили. Никто не задался вопросом: как это вообще было возможно? Каким духом?

Парадоксально, но слова Чаадаева о России как самой бездарной и никчемной стране были написаны после победы над Наполеоном, который был воплощением Европы, гением европейского духа, человеком, которому Европа покорила и служила как в духовном, так и

военном смысле. Поэтому когда Чаадаев отправил свои письма на рецензию Пушкину, тот их просто потерял...

Существует довольно смешная переписка, в которой Чаадаев просит Пушкина вернуть рукописи, а тот игнорирует просьбы. Впрочем, потом Пушкин все же отозвался в том духе, что не знает ни одной страны с более интересной историей, чем российская, и ни в коей мере не желал бы переменить Отечество.

Пушкина привыкли рассматривать как веселого поэта, а саму поэзию родом развлечения. Но на самом деле не бывает великих поэтов, которые при этом не были бы великими мыслителями.

Пушкин не считал, что проект Петра не удался. Напротив, и он, и его молодые друзья, и те же декабристы есть те самые плоды дворянской вольности, то самое поколение творцов, которое не просто учится у европейцев, но и превосходит их. В наших школьных учебниках вот уже полтора столетия пишут форменную клевету на поколение Пушкина вообще и на декабристов в частности. Их представляют какими-то западниками и чуть ли не социалистами. На самом деле движение декабристов было реакцией на бездумную либеральную и прозападную масонскую политику Александра I. Другое дело, что сама форма их выступления была якобинской... Но когда Николай I прочел стихи Кондратия Рылеева, он высказал сожаление, что казнил истинного патриота и большого поэта.

Пушкин был из этого же поколения. Он отнюдь не западник, но и не представитель славянофильства, которое появилось как альтернатива западничеству. Славянофилы, отвергая западническую миссию России, не создавали никакой новой, не изобретали, а просто брали ее из допетровских времен: «Россия, Святая Русь – страна истинного Православия, носительница настоящей веры, в этом были уверены наши далекие предки, и неудачные эксперименты по заигрыванию с Европой, начавшиеся с Петра, это еще раз подтвердили».

С западниками тоже все понятно, хотя, к чести многих из них, можно отметить, что их творчество было своего рода выдающимся вкладом в европейскую культуру. Будем честными: вся «русская культура», которой мы привыкли гордиться, которая признана как мировая культура, это XIX век, это эффект (со столетним запозданием) того освобождения дворянства, эффект петровского проекта.

Пушкин же придерживался некой третьей линии. Во-первых, он не считал прежнюю российскую историю бессмысленной, как западники. Но он и не считал возможным вернуться в допетровские времена, потому что с его точки зрения петровский, европейский, проект оказался неудачным. По Пушкину, петровский проект оказался выполненным и перевыполненным: Петр хотел, чтобы Россия стала первой в Европе – она ею стала. Ведь Европа сама не представляла из себя уже ничего больше, чем балы, салоны, развлечения и тот же милитаризм, получивший законченное выражение у Фридриха Прусского и Наполеона. Что касается лозунгов «свобода, равенство и братство», столь пленительных когда-то, весь мир имел возможность увидеть, чем это все закончилось. Вершина всей европейской культуры – немецкая классическая философия, которая, в свою очередь, достигла кульминации в Гегеле, его устами же заявила, что Наполеон это воплощение абсолютного духа на Земле, и дальнейшая история человечества вообще закончена.

Но Россия-то победила Наполеона! Россия победила высшее порождение Европы! Победила саму Европу в ее высшем проявлении! Победила того, кого вся Европа считала гением и кому поклонилась! Что это должно означать? Это означает, что мы не должны следовать за европейским духом не потому, что мы «другие», или не потому, что этот европейский дух такой великий и нам за ним не угнаться, а потому что мы попросту... превзошли его.

Проект Петра закончен не в связи с неудачей, а в связи с его исчерпанностью. Мы превзошли Европу не потому, что стали просвещеннее или свободнее ее, просто она сама себя

исчерпала, не дождавшись, пока Россия ее превзойдет. Уже ранний Пушкин в поэме «Граф Нулин» высмеял Европу.

По сюжету этот «европеец» Нулин (говорящая фамилия) останавливается проездом в доме у русской дворянки. Он снисходительно рассказывает о парижских модах и даже льстит хозяйке, что она де не очень отстала от Парижа. Ночью граф вообразил, что он настолько покори́л провинциалку, что в праве рассчитывать на что-то большее, но был с позором изгнан из чужой спальни.

В то же время Пушкин показывает в образе хозяйки не просто жену, верную «традиционному и патриархальному мужу»: она изменяет, но с неким молодым Лидиным, образ которого совершенно не ясен. Но это очевидно не «западник» Нулин и не «славянофил» муж. В образе хозяйки читается сама Россия, которая соблазняет Европу кажущейся доступностью и якобы устремленностью к ней. На самом деле она идет за другим, причем не за своим старым, а за чем-то молодым, новым, неведомым, смеющимся...

Стремиться за Европой, по Пушкину, теперь бессмысленно просто потому, что Европа уже кончилась, осталась в прошлом. Она умирает, катится в бездну. Зачем же бежать за ней или впереди нее?...

Россия как бы осталась одна в чистом поле, без поводыря и идеала впереди, с невозможностью вернуться назад. Ей нужно было породить свою миссию из себя самой, без оглядки на свое прошлое, без оглядки по сторонам. Ей нужно было решиться стать самостоятельной, взрослой. Сделать шаг, который бы выделил ее из всех и благодаря которому уже другие пошли бы за ней как за лидером.

Геополитические предпосылки были налицо. В это время и так в мире без согласия России «ни одна пушка не стреляла». Оставалось решить только духовно-творческую задачу.

Победа над Наполеоном не военное событие и даже не геополитическое. Это культурно-историческое событие, победа более высокого духа над более низким. Могут возразить, что Пушкин писал о чем угодно, но не о Наполеоне и победе над французами, и дескать, для его творчества эта тема маргинальна... Нет. Именно эта победа создала Пушкина. Известно, например, что у Александра Сергеевича был брат Лев, который, по общему признанию, считался гораздо одареннее. Но дар брата не реализовался, потому что на его молодость не выпало великого исторического события, которое бы пронизывало и увлекало, делая неразделимыми собственную судьбу поэта и историческую судьбу России.

Пушкин понимал, что победа была одержана благодаря народу и вопреки элите. Величие Пушкина в том и состоит, что он, воспитанный в деревне простыми русскими людьми, понял, что там, в народе, источник роста и силы государства, его потенции, духовной мощи, а «в свете» – только мертвая форма. Он «лиру посвятил народу своему». И за это был убит светом. Именно убит, причем сознательно.

Интрига против Пушкина – не банальная ревность, а геополитический конфликт, если угодно, схватка в информационной войне, которую затеяли связанные с европейскими дворами противники России (Нессельроде и К^о).

В начале XIX века в Европе стало утверждаться мнение, что народный дух является источником позднейших успехов элиты. В конце XVIII века ученая Европа перешла с латыни на языки народные. Этому требованию всецело придерживались романтики. Поэтому русофобы уже делали четкую ставку на недопущение свободного развития творческих сил в России. Страна должна была оставаться вечной ученицей Европы. Никаких собственных гениев в ней появляться не должно.

Убийство Пушкина в расцвете лет было сознательной акцией, последствия которой несоизмеримо более тяжкие, чем военное поражение в каком-нибудь региональном конфликте. Пушкин не написал главных своих произведений, а если бы это случилось, то он был бы отнюдь не главным российским поэтом, как сейчас, он мог бы стать и «Платоном и Невтоном» в одном

лице, поэтом, чье всемирное историческое значение превзошло бы значение и Гомера, и Шекспира. Пушкин прошел либеральную и романтическую стадии творчества, как раз перед самым убийством он стал зрелым консерватором, чрезвычайно сблизился с «реакционным» царем Николаем I и претендовал на роль его главного советника.

Поскольку Пушкин, по словам Аполлона Григорьева, это «наше все», то получилось, что «наше все» прервалось на самом интересном месте, оно застряло в вечной молодости, чуть дойдя до зрелости. Поскольку Пушкин это наша культурная матрица, то все, что штамповалось потом с этой матрицы, так же оказалось недоросшим, недоделанным, прерванным на полуслове вечно молодым и вечно пьяным. Эта матрица начала штамповать либералов и социалистов в таком количестве, что уже через полвека они переполнили Россию и убили царя, а дальше взяли курс на революцию.

Можно смело утверждать: если бы не Дантес и стоявшие за ним, то в России не было бы 1917 года. Наоборот, если бы Пушкин написал свои зрелые и старческие произведения, Россия бы впервые стала задавать тон в Европе, возглавила бы интеллектуальную моду на консерватизм, который тогда был в зачатке. Это поставило бы суверенитет России не на военную, а на духовную основу! Более того, Пушкин мог выдать что-то более интересное, чем консерватизм.

Последняя поэма Пушкина «Медный всадник», посвященная делам Петра Великого, поэма, не напечатанная при жизни Александра Сергеевича, поэма – своего рода продолжение «Евгения Онегина» – заглядывает в такие дали, что до сих пор вызывает диаметрально противоположные и в целом довольно беспомощные и бестолковые интерпретации. Эта поэма – бездна, из которой становится понятным безумие величайших интеллектуалов Европы – Гельдерлина, Ницше, Ван Гога, Стриндберга и др.

«Медного всадника» Пушкин написал в пику не по заслугам прославленному и пошлему «либералу» А. Мицкевичу, с которым как с писаной торбой носилась вся прогрессивная Европа того времени. Для многих в России вообще было непонятно, как это можно посметь что-то там лепетать русскому против европейских знаменитостей! Мы можем только благоговейно вздыхать, восхищаться и учиться... Пушкин же четко знал, что Европа нас ничему не может больше научить.

Убийство Пушкина европейским ловеласом и проходимцем символично и потрясающе по глубине выводов, которые можно сделать. Ведь в этом просвечивает форма, с помощью которой Запад убивает Россию. Об это говорит грядущий конфликт между экзистенциальной самостью и Das Man, о чем только через век напишет Хайдеггер. Сам факт возможности гибели великого поэта по нелепой случайности намекает на то, что Бог не печется о поэтах, что возможно, он ушел или даже умер (Ницше). Достоевский в своей «пушкинской речи» назовет Пушкина «всечеловеком» и будет применять диалогический полифонический метод для создания своих произведений. Это потом хорошо покажет М. Бахтин. Но Бахтин считается праотцом постмодернизма. Следовательно, Пушкин был своего рода первым постмодернистом, если постмодернизм понимать как антиэдиповскую позицию (манифест постмодернизма, написанный Ж. Делезом, так и назывался: «Анти-Эдип»), позицию, отрицающую борьбу с прошлым.

Пушкин видел свои корни как в русской культуре, так и в греческой и в итальянской. Он не шел за Западом, как западники, и не противопоставлял Западу русское, как славянофилы. Это «всеединство» будет позже поднимать на щит русский философ Соловьев, и это даст импульс к рождению русской философии конца XIX века, которая оказалась в целом довольно конкурентоспособной уже в XX столетии.

Редактор «Литературного прибавления... А. А. Краевский опубликовал некролог о смерти Пушкина: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!...» Царский чиновник, даром что министр просвещения и президент Академии наук, С. С. Уваров потом выговаривал: «Что это за черная рамка

вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? “Солнце поэзии”! Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался в середине своего великого поприща”! Какое это поприще? Разве Пушкин был полковдец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стихи не значит еще проходить великое поприще!..»

Это рок российской власти: не понимать, что поэзия скрепляет народ и завоевывает бескровно любовь народов других стран больше, чем все полководцы вместе взятые!

Эстафету Пушкина позже подхватят Гоголь, Достоевский, Леонтьев... Но поздно. Умиравшая Европа, в прежнем модернистском духе, стала бредить коммунизмом и Марксом, которые провозглашали новую эру человечества и новый обновленный европейский дух. И у нашей интеллигенции не хватило ума увидеть в марксизме не нечто новое, а просто сам фермент разложения и упадка. Наоборот, в марксизм поверили как в новую религию и опять, совершенно по-петровски, решили стать в Европе ПЕРВЫМИ. Мы решили стать больше коммунистами, чем сами коммунисты, больше марксистами, чем сами марксисты (о чем с иронией писал и сам Маркс). Недаром выше подчеркивалось родство Петра с большевиками: потому что большевики действовали по матрице Петра.

Ничего, что марксизм не вырос из народного духа! Ничего, что Россия не является еще промышленной капиталистической страной! Мы форсированно симулируем капитализм, создадим новый класс, новые привычки, а они создадут и нравы. Мы обгоним Европу на повороте! Она только готовится к революциям, а мы их уже сделаем, мы станем авангардом, лидером, мы всех поведем за собой!

Поразительно, но в чистейшем западнике Ленине горит этот славянофильский огонь! Вся реформа марксизма, которую он произвел, сводится только к доказательству того, что социалистическая революция должна случиться не в передовых странах, а в «слабом звене» – в России, и именно тут после революции будет шанс построить по-настоящему передовое государство мира. Мы видим ту же логику маргинализма, о которой сказано выше.

Но поскольку модернистский марксизм есть фермент упадка (это ясно видел еще Ницше), то благодаря реализации марксистских идей в эпоху революции и гражданской войны, мы и пали ниже всех. Мы пали раньше Европы, мы обогнали Европу на пути в пропасть.

Из этого следует очень важный вывод: то, что случилось с нами в конце XX века, – это то, что еще случится с Европой в будущем!

Более того, уже при Сталине начался серьезный отказ от модернистской логики на основе «возврата к прошлому» и использования его ресурсов. В сталинском проекте коммунистического общества просматривается монашеский, монастырский, православный жизненный уклад. Собственно ему-то мы и обязаны своими победами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.